

УДК 316.7+ УДК 316.2

ТВОРЧЕСТВО В. РОЗАНОВА КАК ДУХОВНАЯ ПРЕДПОСЫЛКА СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВЕННОГО САМОСОЗНАНИЯ

В. П. Козырьков

Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского (г. Нижний Новгород)
kozir3@yandex.ru

Аннотация. Цель статьи – предложить опыт диалектического обобщения и переоценки интеллектуального наследия В. Розанова. Его идеи рассматриваются в контексте становления отечественной социологии, духовной культуры, в которой социология выступает формой общественного самосознания. Выявляются особенности, представители и формы развития диалектической гносеологии в отечественной социально-гуманитарной мысли. Анализируется развитие реальных и потенциальных форм розановского стиля социального мышления в современном российском обществе. Автор приходит к выводу, что исследование интеллектуального наследия В. Розанова, розановской диалектики и духовной культуры позволит по-иному понять причины возрождения социологии в России, обрести требуемую форму и решить проблему разрыва субъекта и объекта в социологии.

Ключевые слова: Розанов, особенности русской социологии, общественное самосознание, социология, будущее социологии, частная жизнь, культура.

Для цитирования: Козырьков, В. П. (2026). Творчество В. Розанова как духовная предпосылка современного общественного самосознания. *Respublica Literaria*. Т. 7. № 3. С. 257-270. DOI: 10.47850/RL.2026.7.3.257-270.

THE CREATIVITY OF V. ROZANOV AS A SPIRITUAL PREREQUISITE FOR MODERN SOCIAL SELF-CONSCIOUSNESS

V. P. Kozyrkov

N.I. Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod (Nizhny Novgorod)
kozir3@yandex.ru

Abstract. The purpose of the article is to offer an experience of dialectical generalization and re-evaluation of the intellectual heritage of V. Rozanov. His ideas are examined in the context of the development of Russian sociology and spiritual culture, in which sociology serves as a form of social self-awareness. The characteristics, representatives, and forms of development of dialectical epistemology in Russian social and humanitarian thought are identified. The development of actual and potential forms of Rozanov's style of social thinking in contemporary Russian society is analyzed. The author concludes that the study of the intellectual legacy of V. Rozanov, Rozanov's dialectic and spiritual culture will allow us to understand the reasons for the revival of sociology in Russia in a different way, to find the required form and to solve the problem of the gap between subject and object in sociology.

Keywords: Rozanov, features of Russian sociology, social self-awareness, sociology, the future of sociology, private life, culture.

For citation: Kozyrkov, V. P. (2026). The Creativity of V. Rozanov as a Spiritual Prerequisite for Modern Social Self-consciousness. *Respublica Literaria*. Vol. 7. No. 3. Pp. 257-270. DOI: 10.47850/RL.2026.7.3.257-270.

Введение

В досоветское время В. Розанов был одним из самых известных философов, критиков и публицистов. В советское время его работы не переиздавались и упоминались только историками. В постсоветские годы переизданы практически все произведения В. Розанова, издано многотомное собрание сочинений, пишутся монографии, статьи, диссертации о его творчестве [Палюшина, Смирнова, 2003]. Объявлен даже розановский ренессанс. В. Биbihин обозначил эту ситуацию так: «Время читать Розанова» [Биbihин, 1996, с. IX]. Но чтобы В. Розанова читать, надо приблизить его к современности через обобщение, определить его место в истории русской духовной культуры.

И сейчас оценки наследия В. Розанова самые разные. Достоин отдельного исследования характер противоречивости мыслителя. Автор предлагаемой статьи уже обращался к анализу этой проблемы в начале активного переиздания сочинений русского философа в 1990-е гг. [Козырьков, 1995] и в то время, когда духовная культура нового российского общества уже сложилась [Козырьков, 2018].

Для обобщения и оценки творчества В. Розанова важно исследование особенностей и значения русской социальной науки в целом. Такая работа проводится [Горшков, 2017]. К сожалению, В. Розанову не нашлось места в социологии. Оценка его творчества остается стереотипной. Она мало изменилась за сто лет. Мы никак не можем признать, что социология формировалась и развивалась в контексте духовной культуры как рациональная форма общественного самосознания.

Цель статьи – представить опыт диалектического раскрытия связей творчества В. Розанова с процессом становления русской социологии и ее предпосылками, когда она формировалась не столько как академическая наука, сколько как форма индивидуализированного общественного самосознания в контексте духовной культуры.

Метод – социокультурный анализ диалектического характера.

Отказ от стереотипов в оценке русской социологии и наследия В. Розанова

Для достижения сформулированной цели необходимо отказаться от ряда стереотипов в подходах к изложению становления и развития русской социальной науки, которая в советское и постсоветское время оценивалась как производная от социологии западной. Причиной такой оценки в советское время было то, что социология считалась продуктом развития западной науки, и в России находили аналог того или иного ее направления [Социологическая мысль в России, 1978]. В постсоветское время отечественная социология в целом, возрождаясь, пошла в фарватере западной, дублируя как структуру, так и механизмы ее конституирования [Новикова, 2000].

Однако структура отечественной духовной культуры сопротивляется стремлению уложить ее в прокрустово ложе западноевропейского варианта духовной культуры. Это стремление было присуще и формирующейся отечественной социологии. Более ста лет назад В. Розанов свой протест радикализировал: он отказался вообще от социологии. Хотя он сделал это больше нигилистически, чем диалектически, не предложив своей модели социологии. Это было сделано так убедительно, что современные историки отечественной

социологии согласились с самооценкой В. Розанова: с 1990-х гг. его не включают в число социологов [Голосенко, Козловский, 1995; Социология в России, 1998]. Признают его философом, литературным критиком, писателем, мыслителем, но никак не социологом.

Но современная социология демонстрирует свою парадоксальную природу. Выразилось это в том, что идеи В. Розанова, неожиданно для историков, приобрели социологический характер. Самооценка В. Розанова превратилась в свою противоположность: отрицая социологию, через сто лет В. Розанов стал социологом. Творчество В. Розанова потенциально стало олицетворять «мультипарадигмальность», главную особенность современной социологии. В этом одна из причин современной актуализации социальной мысли В. Розанова.

Диалектический поворот характерен для русской социологии вообще: она неотрывна от духовной культуры и ее многообразия. Так, Г. Плеханов считал, что В. Белинский обладал «социологическим чутьем» [Плеханов, 1925, с. 147, 148]. Таким же чутьем обладал А. Пушкин [Козырьков, 2022]. Н. Кареев полагал, что Н. Чернышевский «был социологом, сам того не зная» [Кареев, 1996, с. 32]. И как будто по адресу В. Розанова высказана его оценка, что «русская социологическая литература возникла в недрах передовой журналистики» [Там же, с. 35]. Добавим, что такими недрами были и поэзия, и социалистическая критика. Была объективная потребность в социологических знаниях, которая в России не удовлетворялась из-за строгой цензуры. Социологическая литература была запрещена, поскольку приравнивалась к литературе социалистической. Поэтому художественная литература, журналистика, публицистика и критика выполняли функции социологического знания.

В этой связи надо объяснить, почему в названии статьи используется понятие «общественное самосознание» вместо привычного понятия «социокультурная идентичность». Мне уже приходилось критически высказываться об идентичности [Козырьков, 2023]. В самой общей форме отмечу, что в анализе творчества В. Розанова категория социокультурной идентичности непригодна. Она пришла из психологии и позитивистской социологии в исследования политических, межэтнических и социальных отношений и не «работает» в анализе духовного наследия В. Розанова. Применительно к оценке В. Розанова адекватна категория самосознания, которая была детально разработана в немецкой классической философии: Г. Фихте, Б. Бауэром, Д. Штраусом, М. Штирнером и др. Н. Мотрошилова в исследовании этой традиции приходит к выводу, что самосознание является одним из постулатов философии И. Канта, основоположника немецкой классической философии. Она приводит мысль И. Канта, что «если существует наука, действительно нужная человеку, то это та, которой я учу – а именно подобающим образом занять указанное человеку место в мире – и из которой можно научиться тому, каким надо быть, чтобы быть человеком» [Мотрошилова, 1990, с. 16]. Эта кантовская установка проявилась уже в раннем творчестве В. Розанова, когда он был так решительно настроен против позитивистской социологии, что свою большую работу назвал «О понимании». Понимать и не понимать может только конкретный человек, которому важно знать, «каким надо быть, чтобы быть человеком».

Что касается народника Н. Михайловского, то его теория борьбы за индивидуальность напрямую восходит к философии Фихте, в частности, к его спору с создателем герменевтики Шлейермахером об индивидуальности [Гайденок, 1979, с. 161-174].

Современная социология стала «мультипарадигмальной», т. к. она позволяет каждому человеку, как и в «коробах» В. Розанова, выбрать идеи в соответствии со своей индивидуальностью и объектом исследования. Его интеллектуальное наследие, насчитывая 1500 авторских листов, включает произведения разной мировоззренческой тональности, поэтому позволяет это сделать.

Возможность такого выбора и привлекательность наследия В. Розанова состоит в том, что общефилософские категории им конвертированы в домашнюю плоскость (доместицированы) в соединении с психологическими и моральными понятиями. Он пропускает их через «воронку» структуры домашности, интимности. В. Розанов «уродняется» с миром и с другими людьми через дом, отдавая миру и людям чувство нежности, веры, любви и надежды. Пребывание каждого человека в мире временно, не подчиняется универсальным категориям, которые изобрели западные философы и социологи. Отсюда его установка: «Живи каждый день так, как бы ты жил всю жизнь именно для этого дня» [Розанов, 2010 а, с. 13]. Эта социальная установка действует и по отношению к каждому «опавшему листу» В. Розанова: он мобилизует все свои знания и духовные силы для осмысления какой-то мелочи, явления, события. В этом особенность его метода обобщения: в малом видеть большое. Или так: «благодари каждый миг бытия, и каждый миг бытия увековечивай» [Розанов, 2010 б, с. 363].

Но по социологическим приметам – это эмпирический материал духовной жизни, который оставил мыслитель последующим поколениям. Его нельзя сравнить ни с произведением «Былое и думы» А. Герцена, ни с рассказами А. Чехова, ни с дневниками и работами Л. Толстого «Круг чтения» и «Путь жизни».

Все многочисленные «опавшие листья», «мимолетное», «уединенное», «предсмертное» В. Розанова есть самонаблюдение, хроника его личной духовной жизни, на соблюдении которой настаивал В. Розанов при публикации его заметок. Этим самым Розанов стремился опредметить во времени свою личную духовную жизнь, сохранить ее реальное содержание, каким она была в разных ситуациях с ее разрывами, переменами, переходами в противоположность. Следовательно, это не дневник и не протокол хронометража личного времени. В. Розанов считал, что для человека «его личная жизнь – единственный новый факт, который он с собою приносит на землю. Он рождается для *своей жизни*, и его жизнь есть *дар Божий земле*» [Розанов, 1998, с. 25]. В этой мысли есть что-то от пушкинского «я памятник себе воздвиг нерукотворный». Только такой духовный памятник способен возводить себе каждый человек, если в этом есть объективная потребность. Например, Н. Козлова анализирует дневник малограмотной колхозницы, которая заносила в него все, о чем и о ком она думала [Козлова, Сандомирская, 1996]. Такие материалы получили сейчас название «эго-документов».

Таким образом, если отказаться от стереотипов в оценке творчества В. Розанова и оставленных им материалов, то в своей сущности розановское многообразие мыслей в их противоречивости обладает единством. Идеологическая и мировоззренческая неопределенность, которую находят у него историки, есть методологическая установка, которая возникла в его творчестве в духе времени и стала выражением нового единства философии, социологии дома и частной личной жизни. Эта методологическая установка получила развитие в последнее время в исследовании дома [Козырьков, 2009; Казакова, 2023].

Особенности розановской диалектической гносеологии

Чтобы понять природу этой методологии, нужно рассмотреть особенности гносеологии В. Розанова, которые он впервые сформулировал в трактате «О понимании». Исследования В. Розанова были основаны на пассивной гносеологической позиции, позиции «задумчивого странника», как назвала его З. Гиппиус [Гиппиус, 1991], но при активном стремлении к «уроднению» с объектом, к включению социального знания в повседневную и частную жизнь людей. Он умел погружаться в стихию повседневности и размышлять изнутри примелькавшейся жизни, создавая и обживая в мысли ранее не замечаемые явления. Он сторонился абстрактных рассуждений и теоретических схем, опираясь на интеллектуально углубленный и художественно отточенный здравый смысл, доведя его аналитические возможности до совершенства. В. Розанов свое методологическое открытие оценивал так: «По сложности и количеству мыслей (точек зрения, узора мысленной ткани) я считаю себя *первым*. Мне иногда кажется, что я понял *всю историю* так, как бы “держу ее в руке”, как бы историю *я сам сотворил*, – с таким же чувством уроднения и полного постижения» [Розанов, 2010 б, с. 224-225].

В. Розанов изобрел свою диалектику, как разрабатывали ее, но каждый по-своему, П. Флоренский, А. Лосев и др. философы XX в. Для П. Флоренского диалектика есть «умная медитация жизни, претворяемой в текущее слово, ибо, чтобы быть умным, каждое движение созерцающего духа – в духе дает свой словесный образ, необходимо возникающий, как волна, что бежит за паровым винтом» [Флоренский, 1989, с. 130]. И уже без метафоры: диалектика есть «непрерывный опыт над действительностью, чтобы углубиться в последовательные слои ее реальности» [Там же, с. 131]. «Диалектика, – впоследствии пришел к выводу А. Лосев, – не только “захватывает” вещи, но она и есть сами вещи в их смысловом саморазвитии» [Лосев, 1990а, с. 23]. Именно такой опыт над действительностью и воспроизведение вещей «в их смысловом саморазвитии» постоянно предлагал в своих сочинениях В. Розанов.

Можно сказать, что он использует неполную индукцию, когда из частного случая делаются общие выводы, но В. Розанов свои выводы делает применительно к индивидуальному человеку, а человек есть субъект универсальный и живой, для которого неполная индукция приводит к накоплению опыта жизни и к социальным знаниям, имеющим для него достоверный характер. Свой опыт воспроизведения явлений в их «смысловом саморазвитии» с помощью неполной индукции В. Розанов воплотил в сотнях сочинений, которые классифицировал и собирался опубликовать в 50 томах, но не успел, точно так же, как не успел издать 50 выпусков «Апокалипсиса нашего времени».

Таким образом, гениальность высказываний В. Розанова объясняется не его божьим даром, а разрабатываемой в русской философии, начиная с А. Пушкина, «диалектикой души», на что обратил внимание Н. Чернышевский [Чернышевский, 1947, с. 423]. Только используемая В. Розановым особая форма диалектики теоретически им самим не воспроизводится, как Н. Чернышевским социология. Можно сказать, сам В. Розанов и есть диалектика в ее персонифицированном выражении, есть диалектика его души.

Поэтому социальную гносеологию В. Розанова можно понять лишь как целостную и одновременно личностную духовную культуру путем определения ее места в отечественной духовной культуре, отвечая на внутренние, характерные для русской культуры вопросы: какие духовные потребности человека он удовлетворил? какие проблемы развития духовной жизни человека он решил? какую культуру познания (диалектику) он при этом разработал?

С этой точки зрения наследие В. Розанова уникально. Но в этой связи пора отказаться от стереотипа, что эпоха В. Розанова – это «Серебряный век» русской культуры, а не эпоха декаданса, как называли ее творцы этой культуры, которые в раскрытии ее содержания прибегали к диалектике. «Посеребрение» культуры этой эпохи уводит от диалектики познания, придавая ей эстетический смысл или второстепенный художественный прием, который был с восторгом принят отечественными авторами. Но, как уверял Л. Шестов, «вкус к диалектике делает честь человеку, свидетельствуя о возвышенности его души» [Шестов, 1991, с. 61]. Согласимся с этим, однако диалектику он толковал как «игру понятиями», поэтому для Л. Шестова «диалектика властна только над общими понятиями – и общие понятия возведены в идеал» [Там же, с. 62]. Следовательно, адогматическое мышление, к которому призывал Л. Шестов, есть форма эстетического познания, а не диалектического. В. Розанов разработал другую диалектику, не эстетизированную, а диалектику души, выраженную в «нежности» познания повседневной и частной жизни, без которой душа разрушается, если используются лишь абстрактные понятия и теории.

Адогматическую диалектику разрабатывал и Г. Шпет, который считал, что смысл есть «диалектический аккумулятор мыслей» [Шпет, 1989, с. 420]. Эта формула в определенной степени выражает существо творчества В. Розанова, но только розановский «аккумулятор мыслей» «работает» на чувствах, есть жизнь души, а не логики с ее строгими нормами. В этом и состоит, согласно А. Лосеву, существо диалектики декаданса.

В этой связи приведу точку зрения А. Лосева, одного из историков и теоретиков эпохи, в которую жил В. Розанов и о ком он планировал написать монографию. «Под декадансом, – писал А. Лосев, – мы понимаем не отрицание объективных ценностей, но стремление перевести их обязательно на язык чувственных ощущений» [Лосев, 2000 б, с. 26]. Такой перевод и происходил в эту эпоху, когда писатель своим разговорно-философским стилем переводил объективные ценности на «язык чувственных ощущений», не эстетизируя их, а воспроизводя их реальные формы, проявляющиеся в повседневной, частной жизни особым для русской философии методом: «методом нежности». В. Розанов писал: «Я – великий методист. Мне нужен метод души, а не ее (ума) убеждения. И этот метод – нежность» [Розанов, 1998, с. 26].

Конечно, можно «посеребрить» эту культуру, если не замечать напряженной духовной жизни XX в., скрытой или открытой, и отказаться от результатов поиска диалектического социального мышления, которым были охвачены русские философы. И важную роль в этом поиске играл В. Розанов. В этом заключается одна из причин, объясняющих мнение, которое высказал А. Лосев о В. Розанове: «Розанов – это один из тех писателей, которыми я действительно мог бы заняться, навалить книжонку, чтобы обрисовать его не в том тривиальном виде, как это нередко делается, а по-иному» [Лосев, 1990 б, с. 53]. А. Лосев не написал такой книги, но его отдельные замечания о роли любви в познании дают основание утверждать, что он ее вынашивал до самых последних дней жизни. В частности, в книге «Дерзание духа» он утверждает: «Знание есть любовь» [Лосев, 1988, с. 324]. Такое понимание знания, безусловно, розановское.

Таким образом, гносеология В. Розанова по сути своей диалектична, т. к. пронизана принципами историзма и развития, но без теоретического структурирования. Это диалектика души, социологическое чутье мыслителя, которое позволяет ему раскрыть и зафиксировать в своих «опавших листьях» многообразие социальных противоречий, характерных для повседневности и частной жизни эпохи декаданса.

Развитие реальных и потенциальных форм розановского стиля социального мышления

На основании проведенного анализа смею предположить, что мы сейчас переживаем эпоху, в которой господствует розановское мышление: стремление охватить всю социокультурную реальность, но без осознания необходимости теоретической диалектики.

В этом его ограниченность и, одновременно, потенциал формирования в будущем философии и социального мышления свободной индивидуальности. Однако возрождение идей В. Розанова и многочисленные исследования его наследия показывают, что социальная наука как рациональная форма общественного самосознания свободной индивидуальности все же формируется. Хотя для реализации заложенного в наследии В. Розанова потенциала не возникли достаточные социокультурные условия, чтобы такая социология могла занять достойное место в духовной культуре общества.

Действительно, сейчас социальное мышление стало фрагментарным, клиповым, выражающим индивидуальность стиля не только блогеров и постов, но и статей в научных изданиях, ориентированных на мультипарадигмальность. Внешне оно похоже на мышление В. Розанова, хотя некоторые направления, социальная феноменология, например, идентифицирует себя как социология. Сетевые сообщества, дневники, чаты превратились в открывшееся для всех пространство частной жизни, которое раскрывал в своих «опавших листьях» в «уединенном» русский писатель, но без его диалектики.

В духе своей диалектики метода нежности В. Розанов раскрывает новую тенденцию в эволюции самого обывателя, как она представлена в пьесах А. Чехова. Он считает, что в них представлены не только обыватели, но и люди, выходящие из обывательского мира. Оценивая пьесы А. Чехова, В. Розанов утверждает, что «Дядя Ваня», «Три сестры», «Вишневый сад» по времени почти сливаются, немного отступая назад, с «Песней буревестника» [Розанов, 1990, с. 423].

В то же время, радикально развивая эту художественную идею А. Чехова, В. Розанов представил обывателя в целом в позитивном духе. Хотя бы потому, что обыватель выживает в любую эпоху, поэтому всегда имеет будущее. Можно сказать, что обыватель есть традиционный человек, для которого главной ценностью является дом, а содержанием – частная жизнь. Без формирования такого типа личности, его духовных предпосылок и соответствующих потребностей, культура XXI в. с Интернетом, сетевыми сообществами и искусственным интеллектом была бы невозможна без развития частной жизни, которая стала объектом осмысления в творчестве В. Розанова и А. Чехова. Но если давать общую оценку, то художественное мышление А. Чехова и социальное мышление В. Розанова тождественны. Они выражают существо русской культуры и вызывают оптимизм: русский

человек способен опускаться на социальное дно и в своей духовной жизни подниматься вверх до святости, до героизма. Его социальный регистр не ограничен пресловутой ментальностью.

Русская социология не была «чистой» социологией, оставаясь формой общественного самосознания. В. Розанов впитал в себя эту традицию. Этим объясняется тот факт, что творческая мысль В. Розанова откликалась на все противоречия и повороты общественного самосознания, в анализе которого мыслитель занимал критическую позицию или стремился дать пеструю картину нюансов развития русской мысли на ее обыденном уровне. В этом он опережал академическую социологию, которая медленно изменяла свою тематику и была конъюнктурна.

В. Розанов стремился донести важные идеи до широких слоев населения с его известной установкой: «Ко мне придут (если когда-нибудь придут) нежные, плачущие, скорбные, измученные. Замученные. Придут блудливые (слабые)... Только пьяных не нужно» [Розанов, 1998, с. 27]. Эта установка созвучна пушкинской строке «к нему не зарастет народная тропа». Она в развитии социальной мысли необходима в том случае, если заказчиком социологических знаний является гражданское общество. В. Розанов был уверен, что протоптал свою тропинку, которая тоже не зарастет со временем, поскольку это – тропинка к дому с его частной жизнью, которая «выше всего» [Розанов, 2010, с. 30]. Следовательно, на первом месте в социологии В. Розанова судьба гражданского общества, а не социологов, которые есть лишь интеллектуальная часть его.

Социология розановского типа в потенции содержит важные элементы науки будущего, когда в обществе установятся демократические нормы общежития, и социология как рациональная форма общественного самосознания будет доминировать над обыденным социальным знанием и включаться в духовную культуру общества. Но сегодня творчество В. Розанова официально не признается социологическим. Только в будущем обществе ведущим субъектом будет свободная индивидуальность личности. Для такой индивидуальности социология приобретет новую форму со своей особой системностью, черты которой в зародыше мы находим в творчестве В. Розанова: во-первых, в форме скрытых личностных установок писателя и множества мыслей, идей, настроений, ощущений; во-вторых, в виде целостности мировоззрения читателей, которые проходят духовную реабилитацию через свободный выбор и достройку необходимых для них духовных элементов.

По-розановски возрождалась и отечественная социология в 1950–1960-е гг.. Социологи рекрутировались из представителей разных естественных, технических и социально-гуманитарных наук [Докторов, 2014]. Как бы сказал В. Розанов, «пришли всякие». Это имело двоякое значение: во-первых, являлось выражением объективной потребности демократизирующегося общества в социологических знаниях, но также привело к разнообразию позиций в понимании социологии, социологической тематики, среди которой проблемы культуры и частной жизни оказались на последнем месте по приоритетности. Социология была ориентирована на производство объективной социальной информации для управления большими социальными системами, хотя сами социологи были рекрутированы из гражданского общества. Во-вторых, наступила радикальная реформа на западно-либеральный лад, в том числе в области социально-

гуманитарных наук. Восторжествовал формальный подход, в котором главное – иметь диплом о социологическом образовании. Разумеется, у В. Розанова его не было. Но такого диплома не было и у тех, кто возрождал социологию в советском и постсоветском обществе, что мы уже отметили.

В итоге была прервана отечественная традиция развития социологии в контексте духовной культуры и повседневной жизни. В русской культуре стала утверждаться западная структура социологии под флагом мировой. Ее главная задача – быть организацией по производству социальной информации, которая требуется бизнесу, власти, PR и рекламе. В ходе бурных дискуссий 1980–1990-х гг. о главной задаче социологии она так и не была решена в *демократическом* и *гуманистическом* духе. Социология сейчас преимущественно позитивистская, а «позитивизм, по словам В. Розанова, – это “глаз без взгляда”» [Цит. по: Николукин, 1989, с. 22], то есть без того, что позволяет увидеть в мелочах жизни нечто значимое. Хотя, диалектически рассуждает В. Розанов, «позитивизм истинен, нужен и даже вечен; но для определенной *частицы* людей» [Розанов, 2010 а, с. 46].

Поэтому большой труд В. Розанова (его «рудники»), где рассматривались «Семейный вопрос в России. Дети и родители. Мужья и жены. Развод и понятие незаконнорожденности. Холостой быт и проституция. Женский труд. Закон и религия» был написан так, что читатель не видел в авторе не только социолога-позитивиста, но социолога вообще, хотя темы книги – социологические. В XX в. возникла «микросоциология семьи», в которой исследуются проблемы, выявленные В. Розановым, но, к сожалению, с ориентацией на западных теоретиков. Видимо, «*частица* людей», для которых позитивизм истинен, преобладает над всеми другими людскими «частичами».

Заключение

Парадоксально, но тихая борьба В. Розанова против позитивизма отчасти явилась его формой. В. Розанов фиксирует многообразную противоречивость повседневности и частной жизни, раскрывает природу личности обывателя, но, в духе позитивизма, не раскрывает объективных причин и способов преодоления противоречий с помощью солидарности людей, их способности к организации для практического противостояния общественному злу.

XX в. полемизирует в скрытой или явной форме с социальными идеями В. Розанова. Секрет притягательности духовного наследия В. Розанова в том, что при всем многообразии идей автор обладает высокой степенью свободы мышления, которая была востребована обществом. Его диалектика, теоретически не разработанная им как методология, индивидуальна, есть «диалектика души», не скованная жесткими схемами и алгоритмами.

В настоящее время происходят подобные духовные процессы: социальное мышление разорвано, диалектика как методология интеграции мышления не используется. Царствует мультипарадигмальность, которая исторически восходит к розановскому мышлению, субъектом которого является личность обывателя, проанализированная В. Розановым через свой личный опыт.

Таким образом, В. Розанов разработал чувственную диалектику декаданса: «метод нежности», «метод жалости», «метод души», «уединенного», «опавших листьев». Она центрируется в доме и вокруг дома, «гнездышка». Домашняя направленность этой своеобразной диалектической социологии и общественного самосознания в условиях бездомности и неуютности делает ее привлекательной в настоящее время.

Список литературы / References

Бибихин, В. В. (1996). Время читать Розанова. *Розанов В. В. О понимании. Опыт исследования природы, границ и внутреннего строения науки как цельного знания.* М.: Танаис. С. IX-XXV.

Bibikhin, V. V. (1996). Time to Read Rozanov. In *Rozanov V. V. On Understanding. An Experiment in Studying the Nature, Boundaries, and Internal Structure of Science as Integral Knowledge.* Moscow. Pp. IX-XXV. (In Russ.)

Гайдено, П. П. (1979). *Философия Фихте и современность.* М.: Мысль. 288 с.

Gaidenko, P. P. (1979). *Fichte's Philosophy and Modernity.* Moscow. 288 p. (In Russ.)

Гиппиус, З.Н. (1991). Задумчивый странник. *Гиппиус З.Н. Стихотворения. Живые лица.* М.: Художественная литература. С. 314-360.

Gippius, Z.N. (1991). Pensive Wanderer. Gippius Z.N. *Poems. Living Faces.* Moscow. Pp. 314-360. (In Russ.)

Голосенко, И. А., Козловский, В. В. (1995). *История русской социологии XIX-XX вв.* М.: Онега. 288 с.

Golosenko, I. A., Kozlovsky, V. V. (1995). *History of Russian Sociology of the XIX-XX centuries.* Moscow. 288 p. (In Russ.)

Горшков, М. К. (2017). Социология в России: становление и развитие. *Социальная наука и социальная практика.* Т. 5. № 2. С. 7-29. DOI: <https://doi.org/10.19181/snsp.2017.5.2.5147>.

Grshkov, M. K. (2017). Sociology in Russia: Formation and Development. *Social Science and Social Practice.* Vol. 5. No. 2. Pp. 7-29. DOI: <https://doi.org/10.19181/snsp.2017.5.2.5147>. (In Russ.)

Докторов, Б. З. (2014). *Современная российская социология: историко-биографические поиски: сб. научных трудов: в 3-х т. Т. 2: Беседы с социологами четырех поколений.* М.: Директ-Медиа. 783 с.

Doctorov, B. Z. (2014). *Contemporary Russian Sociology: Historical and Biographical Searches: Collection of Scientific Papers.* In 3 vols. Vol. 2. Conversations with Sociologists of Four Generations. Moscow. 783 p. (In Russ.)

Казакова, А. Ю. (2023). Идея дома в теориях доместики. *Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия. 11: Социология.* № 4. С. 33-63. DOI: 10.31249/rsoc/2023.04.03.

Kazakova, A. Yu. (2023). The Idea of Home in Domestication Theories. *Social Sciences and Humanities. Domestic and Foreign Literature. Series 11: Sociology.* No. 4. Pp. 33-63. DOI: 10.31249/rsoc/2023.04.03. (In Russ.)

Кареев, Н. (1996). *Основы русской социологии.* СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха. 368 с.

Kareev, N. (1996). *Fundamentals of Russian Sociology.* St. Petersburg. 368 p. (In Russ.)

Козлова, П. Л., Сандомирская, И. Л. (1996). «Я так хочу назвать кино». «Наивное письмо»: Опыт лингвосоциологического чтения. М.: Гнозис: Рус. феноменол. об-во. 255 с.

Kozlova, P. L., Sandomirskaya, I. L. (1996). "That's What I Want to Call a Movie." "Naive Letter": An Experience of Linguistic and Sociological Reading. Moscow. 255 p. (In Russ.)

Козырьков, В. П. (1995). Природа, человек и его частная жизнь в философии дома В. В Розанова. *Человек и общество в русской философии: сб. научн. трудов КузГТУ.* Кемерово: Межвузовское изд-во. С. 108-132.

Kozyrkov, V. P. (1995). Nature, Man and His Private Life in the Philosophy of V. V. Rozanov. In *Man and Society in Russian Philosophy.* Collection of scientific works of KuzSTU. Kemerovo. Pp. 108-132. (In Russ.)

Козырьков, В. П. (2009). Теоретические проблемы становления социологии дома. *Личность. Культура. Общество. Международный журнал социальных и гуманитарных наук.* Т. 11. № 1 (46-47). С. 301-309.

Kozyrkov, V. P. (2009). Theoretical Problems of the Development of Sociology of the Home. *Personality. Culture. Society. International Journal of Social and Human Sciences.* Vol. 11. No. 1 (46-47). Pp. 301-309. (In Russ.)

Козырьков, В. П. (2018). Странность и приватность социологии В.В. Розанова. *Частное и общественное в повседневной жизни населения России: история и современность.* Материалы междунар. науч. конф.: в 2 т. Т. 1. Отв. ред. В. А. Веремченко. СПб.: ЛГУ им. А. С. Пушкина. С. 58-63.

Kozyrkov, V. P. (2018). Strangeness and Privacy of V. V. Rozanov's sociology. In Veremenko, V. A. (ed.). *Private and Public in Everyday Life of the Population of Russia: History and Modernity.* Proceedings of the international scientific conf. In 2 vols. Vol. 1. St. Petersburg. Pp. 58-63. (In Russ.)

Козырьков, В. П. (2022). Проблема генезиса социологии и мотивации ее развития в связи с творчеством Пушкина. *Научные результаты социологии 2021: сб. статей по материалам международного научного онлайн-форума (16-18 февраля 2022 г.).* Белгород: ООО «ЭПИЦЕНТР». С. 96-105.

Kozyrkov, V. P. (2022). The Problem of the Genesis of Sociology and the Motivation for its Development in Connection with the Work of Pushkin. In *Scientific Results of Sociology 2021. Collection of Articles Based on the Materials of the International Scientific Online Forum* (16-18 February 2022). Belgorod. Pp. 96-105. (In Russ.)

Козырьков, В. П. (2023). Страсти по идентичности и анонимность общества. *Вестник Самарского государственного технического университета. Серия «Философия»*. Т. 5. № 4. С. 15-20. DOI: <https://doi.org/10.17673/vsgtu-phil.2023.4.3>.

Kozyrkov, V. P. (2023). Passions About Identity and the Anonymity of Society. *Bulletin of Samara State Technical University. Philosophy Series*. Vol. 5. No. 4. Pp. 15-20. (In Russ.)

Лосев, А. Ф. (1988). *Дерзание духа*. М.: Политиздат. 366 с.

Losev, A. F. (1988). *Daring of the Spirit*. Moscow. 366 p. (In Russ.)

Лосев, А. Ф. (1990 а). *Философия имени*. М.: Изд-во Московского университета. 270 с.

Losev, A. F. (1990 a). *Philosophy of the Name*. Moscow. 270 p. (In Russ.)

Лосев, А. Ф. (1990 б). *Страсть к диалектике: Литературные размышления философа*. М.: Советский писатель. 320 с.

Losev, A. F. (1990 b). *A Passion for Dialectics: Literary Reflections of a Philosopher*. Moscow. 320 p. (In Russ.)

Лосев, А. Ф. (2000). *История античной эстетики. Софисты. Сократ. Платон*. М.: АСТ; Харьков: Фолио. 846 с.

Losev, A. F. (2000). *History of Ancient Aesthetics. Sophists. Socrates. Plato*. Moscow; Kharkov. 846 p. (In Russ.)

Мотрошилова, Н. В. (1990). *Социально-исторические корни немецкой классической философии*. М.: Наука. 208 с.

Motroshilova, N. V. (1990). *Social and Historical Roots of German Classical Philosophy*. Moscow. 208 p. (In Russ.)

Николюкин, А. Н. (1989). В. В. Розанов – литературный критик. *Розанов В. В. Мысли о литературе*. М.: Современник. С. 5-40.

Nikolyukin, A. N. (1989). V. V. Rozanov – Literary Critic. In *Rozanov V. V. Thoughts on Literature*. Moscow. Pp. 5-40. (In Russ.)

Новикова, С. С. (2000). *Социология: история, основы, институционализация в России*. М.: Московский психолого-социальный институт; Воронеж: Изд-во НПО «МОДЭК». 464 с.

Novikova, S. S. (2000). *Sociology: History, Foundations, Institutionalization in Russia*. Moscow; Voronezh. 464 p. (In Russ.)

Палюшина, В. Г., Смирнова, А. И. (2003). Современное розановедение. *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 8. Литературоведение. Журналистика*. № 3. С. 144-150.

Palyushina, V. G., Smirnova, A. I. (2003). Modern Rose Studies. *Science Journal of VolSU. Series 8. Literary criticism. Journalism*. No. 3. Pp. 144-150. (In Russ.)

Плеханов, Г. В. (1925). История русской общественной мысли в XIX веке (материалы). *Плеханов Г. В. Сочинения*. Т. 23. М.-Л.: Гос. изд-во. 658 с.

Plekhanov, G. V. (1925). History of Russian Social Thought in the 19th century (Materials). In *Plekhanov G. V. Essays*. Vol. 23. Moscow; Leningrad. 658 p. (In Russ.)

Розанов, В. В. (1990). Наш «Антоша Чехонте». *Розанов В. В. Сочинения*. М.: Советская Россия. С. 421-426.

Rozanov, V. V. (1990). Our "Antosha Chekhonte". In *Rozanov V. V. Works*. Moscow. Pp. 421-426. (In Russ.)

Розанов, В. В. (1998). Перед Сахарной. *Розанов В. В. Собрание сочинений. Сахарна*. М.: Республика. С. 13-39.

Rozanov, V. V. (1998). Before Sakharna. In *Rozanov V. V. Collected Works. Saharna*. Moscow. Pp. 13-39. (In Russ.)

Розанов, В. В. (2010 а). Уединенное. *Розанов В. В. Собрание сочинений. Листва*. М.: Республика; СПб.: Росток. С. 5-72.

Rozanov, V. V. (2010 а). Solitary. In *Rozanov V. V. Collected Works. Foliage*. Moscow; St. Petersburg. Pp. 5-72. (In Russ.)

Розанов, В. В. (2010 б). Опавшие листья. Короб второй и последний. *Розанов В. В. Собрание сочинений. Листва*. М.: Республика; СПб.: Росток. С. 189-364.

Rozanov, V. V. (2010 b). Fallen Leaves. The Second and Last Box. In *Rozanov V. V. Collected Works. Foliage*. Moscow; St. Petersburg. Pp. 189-364. (In Russ.)

Социологическая мысль в России. (1978). Л.: Наука. 416 с.

Sociological Thought in Russia. (1978). Leningrad. 416 p. (In Russ.)

Социология в России. (1998). Под ред. В. А. Ядова. 2-е изд., перераб. и дополн. М.: Изд-во Института социологии РАН. 696 с.

Yadov, V. A. (ed.). (1998). *Sociology in Russia*. 2nd edition, revised and supplemented. Moscow. 696 p. (In Russ.)

Флоренский, П. А. (1989). У водоразделов мысли. *Флоренский, П. А. Сочинения: в 2-х т. Т. 2*. М.: Правда. С. 17-350.

Florensky, P. A. (1989) At the watersheds of thought. *Florensky, P. A. Works. In 2 vols. Vol. 2*. Moscow. Pp. 17-350. (In Russ.)

Чернышевский, Н. Г. (1947). Детство и отрочество. Сочинение графа Л.Н. Толстого. Военные рассказы графа Л.Н. Толстого. *Чернышевский Н. Г. Полное собрание сочинений: в 15 т. Т. 3. М.: Гослитиздат. С. 421-431.*

Chernyshevsky, N. G. (1947). Childhood and Adolescence. Works of Count L. N. Tolstoy. War Stories of Count L. N. Tolstoy. In *Chernyshevsky N. G. Complete Works. In 15 vols. Vol. 3. Moscow. Pp. 421-431. (In Russ.)*

Шестов, Л. (1991). *Апофеоз беспочвенности. Опыт адогматического мышления.* Л.: Изд-во ЛГУ. 214 с.

Shestov, L. (1991). *The Apotheosis of Groundlessness. An Experience of Adogmatic Thinking.* Leningrad. 214 p. (In Russ.)

Шпет, Г. Г. (1989). Эстетические фрагменты. *Шпет Г. Г. Сочинения.* М.: Правда. С. 345-474.

Shpet, G. G. (1989). Aesthetic Fragments. In *Shpet G. G. Works. Moscow. Pp. 345-474. (In Russ.)*

Сведения об авторе / Information about the author

Козырьков Владимир Павлович – доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры отраслевой и прикладной социологии Национального исследовательского Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, пр. Гагарина, 23, e-mail: kozir3@yandex.ru.

Статья поступила в редакцию: 23.05.2026

После доработки: 21.08.2026

Принята к публикации: 27.08.2026

Kozyrkov Vladimir – Doctor of Sociological Sciences, Professor, Professor of the Department of Industrial and Applied Sociology of the National Research University of Nizhny Novgorod named after N. I. Lobachevsky, Nizhny Novgorod, Gagarin Ave., 23, e-mail: kozir3@yandex.ru.

The paper was submitted: 23.05.2026

Received after reworking: 21.08.2026

Accepted for publication: 27.08.2026